

Пусть совесть действует
свободней, — она не повредит,
если даже причинит боль...
Андрей Платонов

Что есть, то — есть, а чего нет, того и придумывать нельзя. Дал бы Бог разобраться с тем, что есть. Впрочем, жизнь настолько многообразна, что у неё на все случаи разбор (увы, ныне повседневное слово) припасены неоспоримые факты. Главное, что лично мы чувствуем своим сердцем и чувствуем ли, сталкиваясь с ними. Сегодня так много негатива в нашей стране, да и в мире, что иной раз просто оторопь берёт. Как со всем этим жить?

Уязвлённое недопонимание

Видит Бог, не хотел братья за очерк, потому что, анализируя современную жизнь, поневоле приходишь к неутешительным выводам. И своими оценкой, статьёй, очерком только увеличиваешь количество негатива.

В самом деле, Кущёвская Краснодара, Энгельс Саратова, Гусь-Хрустальный Владимира и т.д., и т.п. А совсем недавно в Хабаровском крае дед взял в заложники собственного внука и заявил, что будет вести переговоры только с высокопоставленным членом партии «Единая Россия».

Простите, но сразу подумалось, слава богу, Владимир Владимирович Путин только лишь лидер, но не член главной партии страны. Хабаровск — не ближний свет, не Гусь-Хрустальный, а за жизнь внука (не дай бог, конечно) пришлось бы спрашивать не только с сумасшедшего деда.

Не знаю, что случилось с террористом и его заложником. Сообщение прошло по Интернету 20 декабря 2010 года.

Словом, негатива так много вокруг и у нас, и за рубежом, что братья за анализ современной жизни, тем более нашей, — себе же дороже.

Но тут произошёл случай, который в корне перевернул моё отношение к негативу. А именно: нашлись две весьма уважаемые мною VIP-персоны, которые, не считаясь ни с чем, потребовали негатива.

Случилось это накануне Рождества в городе Канны (Франция). Там, в двадцати метрах от православной церкви Михаила Архангела, есть хлебный магазинчик с различной выпечкой. Зять указал на торт. Девушка-продавец предупредила:

— Негатив.

Зять не понял. (К сожалению, он, как и я, понимает французский только со словарём.) Начал изъясняться с помощью мимики и жестов — пытался объяснить, что торт в его понимании не может быть негативным. Увы — негатив, и всё тут. Девушка даже в обиду отвернулась и от зятя, и от торта.

Как-то нехорошо получилось — вчера ещё беседовали с французами о моём романе. (Они изъявили желание, в рамках года России во Франции, перевести его на французский язык.) А тут на уровне народной дипломатии какое-то уязвлённое недопонимание. Чаше бывает наоборот, на официальном уровне возникает недопонимание, и знание языков иногда только усугубляет его.

Зять сказал, точнее, показал, что возьмёт торт. Девушка успокоилась, как полагается, запак-

вала. Одной рукой подаёт пакет с тортом, а другой показывает на него.

— Негатив!

Чёрт знает что?! И спросить не у кого. Спустил два часа сели пить чай, естественно, с тортом и, естественно, обсуждая строгое предупреждение. В всякий случай решили не рисковать и VIP-персонам (пятилетней Глаше и девятилетней Марфе) выдали «негатива» в последнюю очередь и уж очень по маленькому кусочку. А торт, как всегда бывает с запретным плодом, оказался на редкость вкусным. И две VIP-персоны, почувствовав ущемление прав, подпрыгивая, стали требовать:

— Хотим негатива, хотим негатива!

Тут уж сам вызвался сходить в магазинчик. Захожу и прямо с порога:

— Аа негатив! (То есть — один негатив.)

Девушка скрылась за перегородкой.

Чувство национальности всегда содержит в себе элементы патриотизма: любовь к родине, стране, истории, культуре и много ещё чего, что не перечислишь.

— Но — негатив!

Я увидел на витрине такой же торт, говорю:

— А что, разве это не негатив?!

В общем, оказалось, что «негатив» — торт из холодильника и его следует употреблять не сразу, а выждав определённое время. Почему, отчего?! Предоставляю читателям самим разобраться. Я лишь подчёркиваю, что негатив всяким бывает и не всегда негатив — действительно негатив, хотя таким выглядит и подпадает под уголовную статью.

Лик души

Чувство национальности всегда содержит в себе элементы патриотизма: любовь к родине, стране, истории, культуре и много ещё чего, что не перечислишь. А иной раз и не выразишь словами, потому что это таится глубоко в душе и лишь в определённый миг вдруг является как бы из ниоткуда и овладевает всем, что ты есть от макушки до пят. И ты вдруг чувствуешь, что тебя мало, за тобой должны стоять тысячи тысяч. И они стоят. Ты ощущаешь дыхание всех поколений всех времён. А это, как правило, миг победы. Миг высокого восхождения и встречи с самим собою. Самим собою нематериальным, который узан, потому что он и есть твоя настоящая самость. Самость, данная тебе Богом.

В такой момент душа воспламенена, и нисходит озарение,

что жил ты не зря, что ты исполнился.

Но бывает и по-другому.

Когда погибаешь от отступившей со всех сторон стихии или от чего-то иного не менее смертельного, чему нет сил противостоять, то внезапно, вдруг охватывает душу чувство отсутствия зла и великого смирения перед всем, что ты знал, видел и слышал. И мысль твоя не о всемирных формулах добра и зла, а о какой-то простой вещи, может быть, детской игрушке, которую ты хотел подарить существу, состоящему из одних твоих глаз, но почему-то не подарил. И что-то высокое, близкое и дорогое вдруг по-матерински прикасается к тебе, и ты чувствуешь — нет, это ещё не всё. Где-то там, в неясной дали, которую нельзя видеть глазами, а лишь всевидящим сердцем, ты ещё есть. И есть всё, что ты любил. А любил ты, быть может, меньше, чем ненавидел и гнал. И всё же любимое тобою стало большей частью твоей души, потому что всё, что любил ты, — было прежде тебя любимо твоими дедами и прадедами. И ты только потому и состоялся и исполнился, что в этой родовой цепи любовь никогда не кончается. И смерти — нет.

Чья Москва?

После убийства болельщика «Спартак» Егора Свиридова и несанкционированных выступлений тринадцати-пятнадцатилетних подростков на Манежной площади мы словно очнулись. А очнувшись, испугались, что Москва всё ещё русский город. И как ни странно, больше всех испугались мы, русские.

И те, кто по происхождению русский. И те, кто впитал русский язык, историю, культуру так глубоко, что русскость стала его менталитетом, причем иногда более существенным, чем у некоторых, так сказать, коренных русских.

Почему это произошло? По многим причинам, которые указывал в очерках: «Заметки с затонувшей Атлантиды» и «Прогулка по парку постсоветского периода». Здесь лишь скажу, что наше недавнее прошлое никто не отменял и не отменит — своеобразное родимое пятнышко.

Когда приехал на ВЛК (Высшие литературные курсы) в Москву с Алтая (1983 — 1985 годы), был крайне удивлён, что Москва не совсем русский город. Здесь за сохранение русских памятников культуры национально мыслящих писателям и художникам приходилось вести постоянную неутрачивающую «войну» с чиновничеством. Но и чиновники не дремали. Бывало, что русичам строго внушалось, чуть ли не на кремлёвском уровне, что Москва — город хотя и русский, но не совсем.

«ТОРТ»

Буду откровенен, получив воспитание и образование на Дальнем Востоке и в Сибири, толком не понимал истоков сей перманентной «войны». Мне казалось, что мы все — русские. Ан нет, можно было быть по происхождению русским, а в итоге (и это в лучшем случае) — русскоязычным. Были примеры и противоположного толка. Человек и по паспорту, и лицом нацмен, а на кухнях обиженные русские (причём, как правило, обиженные русскими же чиновниками), в негодовании сотрясая воздух, кричали, устремляя энергичные взгляды в пустые углы (тогда их иконами редко кто украшал):

— Вот погодите, придёт Хазбулат удалой, он Вам, мракобесам, скажет и покажет, что ещё жива Русская Земля и Русский дух!

У русских, как и русскоязычных тоже были приверженцы в Кремле.

Родившись и окончив школу в селе, приехав на учёбу в Москву, что называется из самой гущи народной, просто не мог не

словарь БЭС разъяснит. Потому что в этом слове «советский» исторически смешались и неразделимы два понятия: «интернациональный» и «космополитический». И какого из понятий в нём больше, теперь никто не скажет: ни Президент, ни трио бандуристов, ни трио журналистов — никто.

Ванька-встанька

Но вернёмся к перманентным войнам русской интеллигенции и чиновничества. Получив очередной шелчок по носу за то, что не понимает политической обстановки — Москва не совсем русский город, — русская интеллигенция, как уже говорил выше, впадала в неистовство, буквально вставала на дыбы:

— Тогда пусть скажут в газете «Правда»: Москва — чей город? Пусть скажут — чей, чтобы совсем уже?!

Но им, естественно, никто не говорил, и они в подпитии даже дрались с домочадцами, не совсем понимая, что они хотя и русские, но и советские тоже.

Никогда не сомневался, что среди незаметных кремлёвских чиновников чаще, чем где бы то ни было, встречаются гениальные люди. Несомненно, под их на-

Ты ощущаешь дыхание всех поколений всех времён. А это, как правило, миг победы. Миг высокого восхождения.

блюдением выросла наша русская советская интеллигенция. Сегодня она напоминает знаменитую игрушку «ваньку-встаньку», только модернизированную. У этой игрушки вместо ядрышка свинца, придававшего ей устойчивость, — вторая умная голова. А вместо свинца — текущая ртуть, чтобы менять головы местоположением: вверх — вниз.

Очень хитрая игрушка — наша интеллигенция. В обиходе очень удобная для власть имущих. Надо им русские интересы соблазнить, она — русская. Нужны интересы общемировые, глобальные, она —

почувствовать, что в устах особо воинствующих русских весь наш народ в большинстве не русский, а русскоязычный. Противоречие было настолько вопиющим, что испытал потрясение на разрыв, своего рода катарсис.

А между тем всё лежало на поверхности. Стоило зайти в издательство: «Современник», «Советский писатель» и другие, как сразу бросалось в глаза, куда надлежит обращаться, — в редакцию «Русской советской прозы».

Немного остановлюсь. Русской — здесь всё понятно. Советской — вряд ли даже толковый

блюдением выросла наша русская советская интеллигенция. Сегодня она напоминает знаменитую игрушку «ваньку-встаньку», только модернизированную. У этой игрушки вместо ядрышка свинца, придававшего ей устойчивость, — вторая умная голова. А вместо свинца — текущая ртуть, чтобы менять головы местоположением: вверх — вниз.

«НЕГАТИВ»

советская. В общем, у тронного места интеллигенция всегда представлена какой-нибудь выскочившей наверх головой.

Единственный недостаток, когда власть имущие соблюдают общемировые интересы (поддерживают банки, свободное движение капитала и так далее), **кричит, стенает и негодует русская интеллигенция.** И это понятно, ей больно, она внизу, её умная голова используется не по назначению. Попробуйте сидеть головой — вполне можно шею сломать.

И наоборот. Когда власть имущие используют не по назначению умную советскую голову, то ей тоже больно. Её опустили и она, естественно, возмущённо вскипает: эй, вы там, наверху! Проклятые нацисты и коричневые фашисты, вы что — уже Родину кромсаете?! Не дадим — Россия для всех!

Глядя на всё это, приходишь к пониманию, почему **на Западе нет интеллигенции.** Там всё больше — интеллектуалы.

Без национальности

Давайте предложим Президенту подать в Думу на рассмотрение Закон о запрещении или отмене интеллигенции. А что?! Кое-где на местах такой Закон уже давно ждут. Уверен, если с единомысленными побеседует (ich liebe dich) их лидер, то они не подкачают — без всяких поправок в первом чтении примут. (Шутю!)

Впрочем, вернёмся к слову «советский» — нет такой нации. **Невозможно учредить нацию.** Хотя, конечно, пытались и увещанием, и силой. Всех несогласных с марксизмом-ленинизмом советская власть выжигала калёным железом. И русским досталось, и космополитам, как говорится, всем по полной программе. Но надо признать, что **власть и себя не щадила.** И никто и никогда бы её не сковырнул. Одна беда — экономика, подчинённая идеологическим мотивам, оказа-

лась не-рентабельной. Ну, просто никудышной.

Когда пришёл к власти обывший советизмом **Ельцин** и слово «советский» стало нарицательным (демократы первой волны отождествляли всех советских людей, за которыми в большинстве стояли русские, с совками и совковостью), нам, тогда ещё советским гражданам, совершенно «демократическим путём» (без всякого референдума) предложили отказаться от национальности. То есть предложили не вписывать её в гражданский паспорт. И мы, русские, которых и тогда, и сейчас власть имущие как будто по ошибке всё ещё величают титульной нацией, безропотно согласились.

А вот **татары, а вслед за ними и другие нетитульные народы не согласились.**

Не знаю, добились ли они своей национальной идентификации в паспортах, но в уме осталось, что все, кто её хотел, добились.

И теперь, когда отовсюду слышишь, что преступники не имеют национальности, **русские опять в проигрыше.** Не важно, как обстоят дела на самом деле, а подразумевается, что мы, русские, юридически — преступники. Отсутствие национальной идентификации в паспортах нас уравнивает с ними. Справедливо ли это?

Почему мы, русские, такие — обманываем себя? Верим, что мы **чувствительны к несправедливости.** Но разве чувствительные к несправедливости будут так долго терпеть несправедливость, как терпим мы? Почему, начав доброе дело, охлаждаем и, не закончив, бросаем? Мы не стремимся к самостоятельности и умеем хорошо думать только вслед за начальником. А если он безнадежно bestолоковый, то, будьте уверены, мы его не выдадим и **в своей bestолоковости ему не уступим, а,**

умственно напрягаясь, даже превзойдём. Не отсюда ли наши косность и завистливость? Завистливость до умопомрачения.

Мы, русские, не умеем радоваться чужим успехам. Почитай-те в Интернете отзывы на любое выступление футболиста **Андрея Аршавина.** Зависть, невежество и хамство ядовитой слюной брызжут из уст едва ли не каждого так называемого ценителя его игры.

На наших глазах унижают бездомных и слабых, а мы делаем вид, что не видим. Мы проходим мимо, оправдываясь, — бытовуха.

Мы живём по пословице — не в том беда, что у тебя корова издохла, а в том, что у соседа живая.

Мы любим лести и льстецов, незаслуженные награды и похвалу. Ради них можем предать самих себя, а потом невинно смотреть на плоды предательства, как на чью-то зловредную подтасовку, к которой не имеем никакого отношения.

На наших глазах унижают бездомных и слабых, а мы делаем вид, что не видим. Мы проходим мимо, оправдываясь, — бытовуха.

Мы, русские, в большинстве ненавидим русских и **с лёгкостью верим в самое худшее о твоём брате.** Мы, русские, прежде всего русских подозреваем во всех смертных грехах и лишь по одному прокурорскому окрику — вы всего не знаете! — с упоением без всяких доказательств верим в клевету на твоего брата, русского. А уяснив, что он оклеветан, без борьбы смиряемся с клеветниками и в приветствии первыми пожимаем им руки. Пожимаем, чтобы они и нас не оклеветали. Среди нас практически нет адвокатов, потому что защищать таких, как мы, для человека, ещё хотя бы краеш-

ком сознания помнящего, что он русский, просто стыдно.

Они — сильные мира сего, а мы, русские, — козавки. Они иногда берут нас во власть, им нужны новые створчивые дедушки **Калинины, чтобы прикрываться их подписями на постановлениях, унижающих наш русский дух и нашу русскую культуру.** Самые беспринципные и циничные среди нас, а зачастую и самые бездарные ставятся нам в начальники, чтобы, глядя на них, мы лицеизре-ли себя — какие мы тупые и bestолоковые. Мы, спиваясь, вырождаемся. Нас пьяных бьют, лишают остатков памяти и, в лучшем случае, развозят по психушкам. Развозят такие же русские, наши братья, которые потом, без всякого преступного умысла, а тожко рюмашечки ради сожгут нас, как никому не нужный хлам.

Терпение как грех

И вот я сам, лицом и душой русский, вынужден вам говорить об этом. Потому что когда я увидел по «Евроньюс» (без комментариев), как толпой неумело бегут на омововцев наши 13–15-летние русские мальчики и, пытаясь скандировать, кричат: Москва — русский город! Москва — русский город! А голоса детские, неокрепшие, и оттого слышится не утверждение, а взволнованный вопрос, **вопрос к русским дядям с дубинками: Москва — русский город? Москва — русский город? Не буду никого обманывать, у меня есть внуки, и у меня перехватило горло от спазм — какое будущее мы им готовим?!**

И вот вслед за ними и я кричу на всю Ивановскую или, если хотите, на всю Манежную: Эй, вы там, наверху, очнитесь, — Москва, действительно, русский город? А русские, действительно, титульная нация? Или вы, Герои России по умолчанию, таким способом решили только потрафить нам, чтобы за беспредел, творящийся на улицах, привлечь к ответу наших русских мальчиков, **нашу последнюю надежду?!**

Да им надо поклониться в ноги, что они вспомнили, что Москва — русский город. А мы, их отцы и деды, — титульная нация.

Нас, русских, чиновники подставляют и там и сям и до того уже задёрнули, что русскому человеку стало тягостно жить в родной стране. Того не скажи, туда не смотри, а там обязательно подвинься. Словом, как в Хазарском ханстве — грязь не грязь, а за десять шагов до начальника обязан падать лицом на землю.

Помню, в ельцинские времена, как раз было его второе пришествие, Борис Николаевич на людях и пел, и плясал, и под градусом всякие фортели выкидывал. Но больше всего запомнилось, как, величественно воздымая руку, он зычно провозглашал: россияне! (Пауза.) Мы сделаем то-то и то-то! Россияне! (Опять продолжительная пауза.) Мы всё можем!

Потом выяснилось, что **при нём мы уже ничего не можем,** но сейчас не об этом речь.

Почему на территории Российской Федерации Борис Николаевич не решился ввести нацию — россиянин и отменить границы национальных образований, если Россия для всех? Говорят, собирал старейшин со всех

республик, и они отсоветовали. Напрямую сказали — **те несправедливости, что выдерживает русский народ, никакой другой народ в мире не выдержит.** Терпения не хватит. Да и послабления за счёт русского народа будут отменены — Россиянин — ляжет на всех равной тяжестью. Стихийные бунты начнутся.

И вот, без всякой задней мысли, приходит: не потому ли — кого только нет из желающих поруководить русскими, а русских, настоящих, умеющих позаботиться о своём народе, почему-то не видно. Кругом только и слышишь: наказать, ужесточить, за русско-го и десяти копеек не дам, во всём виноваты русские — падайте лицом в грязь!

Эх, тьма — кутерьма, своего русского царя не уберегли.

Нация москвичей?

Однажды засиделся у одноклассника по ВЛК, Высшим литературным курсам. Программу «Время» заключал **спортивный обозреватель с грузинской фамилией.** Говорю однокласснику, мол, хороший грузин — предельно сжато и ёмко проинформировал.

Благодаря своим советизму и произведениям Льва Николаевича Толстого (один Багратион чего стоит) всегда с большим уважением относился к грузинам и вообще к кавказцам. Впрочем, и сейчас не изменил отношения. Потому что для меня в определении национальности с тех советских времён осталось — был бы человек хороший.

Одноклассник, явно без всякого умысла (тогда не было грузинского вопроса), поправил меня: **он — не грузин, он — москвич.**

Но и нации москвич тоже нет.

Странное дело, но в Москве и татары есть, и якуты, и алтайцы, все меньшинства представлены, а русские (титульная нация), если заглянуть в паспорта, отсутствуют. Наверное (предполагаю), кремлёвские чиновники сейчас с другой умной головой решают общемировые глобальные проблемы, и мы, русские, пока им не нужны. Ау?! Не радуйтесь, умные головы. И нас и вас используют, и как всегда, без всякого умысла — соблазнили мнимой лёгкостью правления русским народом, а внутренних-то богатырских сил, увы, не хватило. Сегодня не по-ельцински ломать надо, а умно, по-стольпински способствовать развитию положительных качеств своего народа. Ведь недостатки — зачастую есть продолжение наших достоинств, только как бы за гранью приемлемого. У нас же, если что-то изводим, то уже полностью выкорчёвываем. Откуда же возьмётся продолжающим многообразием рода видам, их молодым побегам?!

Так что неудивительно, почему такую простую истину: Москва — русский город, а мы, русские, — титульная нация, наши чиновники не смогли ни соблести, ни донести до подрастающего поколения. Удивительно другое — где наша русская советская интеллигенция? Или её нет?! Поднимись, покажись, Ванька, или пусть встанет, покажется твой прежний заступник — Хазбулат удалой.

Виктор СЛИПЕНЧУК

Полную версию очерка «Торт «негатив» читайте на сайте В.Т. Слипечука <http://www.slipenchuk.ru>